

обществ неизменно: можете низ поставить наверху, но будет всегда низ и верх, воля и неволя, богатство и бедность, удовольствие и страдание. Для существа нравственного нет блага без свободы, но эту свободу дает не государь, не парламент, а каждый из нас самому себе с помощью божию. Свободу мы должны завоевать в своем сердце миром совести и доверенностью к провидению».⁵

Как неизменно убеждение Карамзина в неизбежности общественного неравенства, так проносит он через всю жизнь веру в общий прогресс человечества. Не рушат ее и события Французской революции. Верный точке зрения, что в любом зле надо искать благо, он уже в 1794 г. пытался успокоить тех, кому революция казалась шквалом, грозящим погубить человечество. Устами мудрого Филалета Карамзин предлагает помнить, что ничего не происходит без воли бога. Ошибка людей XVIII в. состояла в том, что они переоценивали возможности человеческого разума, а революция показала, каким «ужасным заблуждениям» он еще подвержен. Но человечество идет по пути к прогрессу и следует ждать, что «разум, оставив все химерические предприятия, обратится на устройство мирного блага жизни, и зло настоящее послужит к добру будущему» (7, 144).

Это недвусмысленное ожидание контрреволюции в дни Термидора приобретает большую уверенность после утверждения конституции III года Республики 1795 г. В 1797 г., знакомо читателям французского эмигрантского журнала с русской литературой и «Письмами русского путешественника», Карамзин пишет: «Французская революция — одно из тех событий, которые определяют судьбу человечества на долгий ряд веков. Начинается новая эпоха. Я вижу это, но Руссо это предвидел».⁶ В тот момент Карамзин еще не определяет, в чем именно состоит это новое. Он расшифровывает свою мысль после прихода к власти Наполеона в 1802 г. в статье «Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени» (9, 127—149).

С середины XVIII в. «необыкновенные умы страстно желали великих перемен». Проницательные наблюдатели ожидали бури: «Руссо и другие предсказали ее». Гром грянул во Франции и освободил от заблуждений. Революция доказала, что «гражданский порядок священ» при всех своих недостатках, что «власть его есть для народов не тиранство, а защита от тиранства». Революция опровергла «смелые теории» и доказала, «что одно время и благая воля законных правительств могут исправить несовершенства гражданских обществ. . . То есть Французская революция, грозившая ниспровергнуть все правительства, утвердила их». В этом «объяснении идей» Карамзин видит историческое значение Французской революции.

⁵ Н. М. Карамзин. Незаконченные сочинения, стр. 195.

⁶ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866, стр. 480.